

Библіографія.

С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569 г.). С.-Петербургъ. 1883 г.

Сочиненію, заглавіе котораго мы выписали выше, авторъ предпослалъ въ прошломъ году два тома документовъ, на которыхъ онъ и основываетъ по преимуществу свой историческій рассказъ и добытые имъ выводы. Сборникъ изданныхъ документовъ носитъ заглавіе: «*Документы и реесты къ исторіи литовскихъ евреевъ 1388—1569 г.*» и вмѣщаетъ въ себѣ 660 актовъ. Весь этотъ архивный матеріалъ извлеченъ г. Бершадскимъ изъ книгъ литовской метрики, а также изъ архивовъ вилнскаго и кievскаго и послалъ автору четырехъ лѣтъ крайне уюрнаго и усидчиваго труда.

Само изслѣдованіе г. Бершадскаго представляетъ трудъ вполне самостоятельный и критическій, исполненный въ высокой степени добросовѣстно и разработанный крайне тщательно до малѣйшихъ подробностей. Мы не встрѣтили въ немъ ни малѣйшаго положенія, которое не было-бы подтверждено многочисленными ссылками и цитатами изъ архивнаго матеріала. Конечно, такой методъ изслѣдованія возбуждаетъ полное довѣріе къ выводамъ автора, а это тѣмъ болѣе важно, что изслѣваніе открываетъ намъ цѣлую область историческихъ данныхъ или совершенно понынѣ неизвѣстныхъ, или представлявшихъ весьма не точно, не полно и очень часто при ложномъ освѣщеніи.

Трудъ г. Бершадскаго раздѣленъ на шесть главъ, изъ которыхъ три (3, 4 и 6) посвящены исторіи литовскихъ евреевъ за время 1388—1569 г. Двѣ друтія главы (2 и 5) представляютъ какъ-бы введеніе и разъясненіе, необходимое для пониманія главнаго сюжета разсказа, наконецъ 1-ая составляетъ послѣсловіе, изображая въ главныхъ чертахъ бытъ евреевъ литовскихъ отъ люблинской уніи (1569 г.) до нашего времени. Мы передадимъ вкратцѣ содержаніе труда г. Бершадскаго въ

томъ порядкѣ, въ какомъ онъ, какъ намъ кажется, естественно укладывается при изложеніи избраннаго авторомъ сюжета.

Вторую, довольно обширную, главу своего сочиненія авторъ посвятилъ оцѣнкѣ сочиненій тѣхъ писателей, которые раньше занимались исторіею литовскихъ евреевъ; онъ весьма внимательно опредѣляетъ и рассматриваетъ источники, которыми пользовались его предшественники, слѣдитъ за методомъ ихъ изложенія и указываетъ какъ достоинства каждаго труда, такъ и недостатки, зависѣвшіе или отъ скудости матеріала извѣстнаго авторамъ, или отъ невнимательнаго съ нимъ обращенія, или отъ предвзятой а priori точки зрѣнія; наконецъ, онъ безошибочно обличаетъ легкомысліе и компиляторскіе приемы нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, болѣе или менѣе удачно замаскированные самоувѣреннымъ тономъ изложенія. Болѣе всего вниманія г. Бершадскій обратилъ на книгу Чацкаго: «Разсужденіе о евреяхъ и караимахъ», такъ какъ она понынѣ считается вполне авторитетнымъ сочиненіемъ для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Отдавая полную справедливость эрудиціи Чацкаго, «его многосторонности, разнообразію источниковъ и богатству содержанія книги», г. Бершадскій замѣчаетъ и важнѣйшія ея недостатки: небрежное по временамъ пользованіе источниками, не точную передачу ихъ содержанія, допущеніе ссылокъ на источники компиляторскія и не проверенныя критикою и, что важнѣе всего, онъ указываетъ ошибку въ основномъ воззрѣніи Чацкаго, вслѣдствіе которой онъ отождествлялъ права евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до люблинской уніи, т. е. въ то время, когда оба государства пользовались каждое отдѣльнымъ законодательствомъ. Затѣмъ мы находимъ весьма почетный отзывъ о сочиненіи проф. Леонтовича: «Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ». Признавая большое научное достоинство за этимъ трудомъ, г. Бершадскій не соглашается однако съ многими его положеніями, объясняя свое разногласіе скуднымъ относительно количествомъ историческаго матеріала, которымъ въ свое время въ состояніи былъ пользоваться проф. Леонтовичъ. Къ сочиненіямъ, привнесшимъ новые матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, г. Бершадскій относитъ изслѣдованія: Гумпловича «Польское законодательство о евреяхъ» и Мацѣевскаго — «Евреи въ Польшѣ, на Руси и Литвѣ», хотя съ авторами ихъ онъ несогласенъ и въ основныхъ положеніяхъ и въ разработкѣ многихъ частныхъ вопросовъ и подробностей. Наконецъ, рассматривая сочиненія Голлендерскаго, Штернберга и Краусгара, авторъ обличаетъ ихъ компиляторскій характеръ, незнакомство съ источниками, легкомысліе выводовъ, по временамъ плагиаты или ссылки совершенно произвольныя и фантастическія.

Въ пятой главѣ своего сочиненія г. Бершадскій представилъ сжатый, но вполне обстоятельный очеркъ учреждений и внутренняго быта въ великомъ княжествѣ литовскомъ до люблинской униі; онъ указалъ существенныя черты финансоваго и административнаго управленія страны, распредѣленія землевладѣнія, очертилъ предѣлы власти великаго князя, значеніе «Рады» литовской, положеніе сословныхъ группъ въ государствѣ и заключилъ свой очеркъ указаніемъ тѣхъ измѣненій государственнаго строя, которыя клонились къ подготовкѣ люблинской униі. Сдѣлать этотъ очеркъ г. Бершадскій былъ поставленъ въ необходимость, такъ какъ безъ яснаго представленія о порядкѣ управленія въ великомъ княжествѣ литовскомъ, не былъ-бы понятенъ главный сюжетъ его разсказа и при существованіи значительной доли привычки къ смѣшиванію польскаго устройства съ литовскимъ, послѣдующее, т. е. все существовавшее въ этомъ отношеніи послѣ люблинской униі, поставляется часто вмѣсто предыдущаго, а вслѣдствіе этого происходитъ и по данному вопросу основная, замѣченная г. Бершадскимъ ошибка, т. е. права и бытъ литовскихъ евреевъ смѣшиваются съ правами и бытомъ евреевъ польскихъ. Очеркъ внутренняго состоянія литовскаго государства исполненъ г. Бершадскимъ прекрасно и, насколько припомнимъ, представляетъ первый солидный опытъ такого описанія въ исторической русской литературѣ.

Въ третьей главѣ г. Бершадскій приступаетъ къ изложенію главнаго сюжета своего сочиненія и начинаетъ ее весьма тщательнымъ опредѣленіемъ первыхъ юридическихъ памятниковъ, опредѣлившихъ права евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ; такими памятниками были грамоты, данныя въ 1388 г., великимъ княземъ Витовтомъ еврейскимъ общинамъ городовъ: Трокъ, Бреста и Гродна (1389 г.). Авторъ весьма тщательно разсматриваетъ и сравниваетъ между собою всѣ изданные нынѣ тексты этихъ привилегій и старается точно опредѣлить относительную достовѣрность каждаго изъ нихъ, и исправить вкравшіяся въ нихъ неточности посредствомъ ихъ сопоставленія; затѣмъ онъ сравниваетъ привилегіи Витовта съ аналогическими привилегіями другихъ странъ, съ цѣлю опредѣлить источникъ, послужившій Витовту прототипомъ для опредѣленія правъ евреевъ въ великомъ княжествѣ, и приходитъ къ убѣжденію, что образцомъ такимъ Витовту служили нѣсколько видовъизмѣненные грамоты, данныя силезскими герцогами и князьями еврейскимъ общинамъ своихъ городовъ; исключеніе, по мнѣнію автора, составляетъ грамота, данная гродненской еврейской общинѣ, которая, по его словамъ, была «произведеніемъ чисто литовской жизни», безъ всякаго вліянія иноземныхъ юридическихъ образцовъ. Что касается самаго со-

держанія Витовтовыхъ привилегій, то онѣ гарантировали слѣдующія права евреямъ трехъ названныхъ городскихъ общинъ: евреи признавались людьми свободными, подчиненными непосредственно великому князю и его намѣстникамъ и изъятыми отъ зависимости отъ городскихъ войтовъ и уридовъ. По уголовнымъ дѣламъ они подсудны великому князю, его старостѣ или же подстаростѣ, который носилъ названіе «жидовскаго судьи». Еврейскія общины пользовались автономіею въ сферѣ дѣлъ религиозныхъ и имѣли право суда по имущественнымъ дѣламъ своихъ членовъ. Правительство гарантировало евреямъ неприкосновенность жизни и личную безопасность, приравнивая ихъ въ этомъ отношеніи къ шляхтѣ; оно также охраняло ихъ имущество, свободу торговли и промысловъ и свободу религиозную паравиѣ съ мѣщанами. Изъ текста грамотъ видно, что евреи, поселившіеся въ великомъ княжествѣ литовскомъ, занимались въ XIV столѣтіи ростовщичествомъ, торговлею, промыслами и земледѣліемъ, болѣе-же богатые держали въ откупъ разныя статьи государственныхъ доходовъ великаго княжества литовскаго. Эти послѣдніе быстро богатѣли, прибрѣтали покупою и пожалованіемъ поземельную собственность и не рѣдко являлись кредиторами правительства на довольно крупныя суммы; за то вся масса еврейскаго населенія не особенно богатѣла и приростъ ея населенія былъ весьма незначителенъ въ теченіи перваго столѣтія послѣ изданія Витовтовыхъ грамотъ — за все это время г. Бершадскій нашелъ свѣдѣнія о возникновеніи трехъ только новыхъ еврейскихъ общинъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ: въ Владимірѣ, Луцкѣ и Кіевѣ.

Въ 1495 году евреевъ литовскихъ постигла совершенно неожиданная гроза: великій князь Александръ Казимировичъ, въ первые годы своего княженія не заявлявшій никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, вдругъ издалъ въ 1495 г. указъ о томъ, чтобы «жидову зъ земли вонъ выбити». Вслѣдствіе этого распоряженія всѣ евреи великаго княжества литовскаго должны были немедленно оставить его территорію, принадлежавшіе имъ дома и земли были конфискованы и частью розданы или проданы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, частью зачислены въ государственныя имущества; суммы, занятыя евреями разнымъ лицамъ, были объявлены погашенными, тѣ-же долги, которые были заняты подъ обезпеченіе поземельной собственности, приказано было вносить въ государственную казну. Изгнанные евреи нашли пріютъ въ Польшѣ, главнымъ-же образомъ въ пограничной съ Литвою холмской землѣ; имущество сохранили только тѣ лица, которыя изъявили готовность принять крещеніе. Послѣднее обстоятельство придавало распоряженію великаго князя Александра значеніе мѣры, вытекавшей изъ религиознаго

прозелитизма, но, разсмотрѣвъ ближе документы, относящіеся къ данному дѣлу, г. Бершадскій пришелъ къ убѣжденію, что религіозный прозелитизмъ служилъ только благовиднымъ предлогомъ для другихъ, болѣе матеріальныхъ побужденій; Александръ, какъ кажется, руководился болѣе всего желаніемъ пополнить конфискаціею средства своей казны, истощившіяся вслѣдствіе московской войны, и притомъ имѣлъ въ виду способствовать развитію городовъ, какъ самыхъ надежныхъ плательщиковъ, и желалъ достигъ этого развитія, выдавая многимъ городамъ привилегіи на магдебургское право и зазывая для поселенія въ нихъ иностранцевъ: нѣмцевъ, шведовъ и т. п., для которыхъ онъ и назначалъ дома, конфискованные у евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ ихъ поощрить, устранивъ еврейскую конкуренцію. Но ожиданія Александра не сбылись — иностранные колонисты не явились въ литовскіе города, фискальная-же цѣль была достигнута конфискаціею 1495 года. Потому, восемь лѣтъ спустя, въ 1503 году тотъ-же великій князь Александръ уничтожилъ собственное распоряженіе и вновь разрѣшилъ евреямъ селиться въ великомъ княжествѣ, подъ условіемъ, что они будутъ доставлять въ войско отрядъ въ 1000 человекъ солдатъ или платить подать, соотвѣтственную расходу на наборъ и содержаніе такого отряда.

Возвратившись въ великое княжество литовское, евреи стали мало по малу селиться въ его городахъ, подвигаясь постепенно отъ западной границы во внутрь страны. Основываясь на окладныхъ листахъ и люстраціяхъ, г. Бершадскій находитъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія еврейское населеніе великаго княжества достигало цифры 10—12 тысячъ и распредѣлялось въ 20—25 городскихъ общинахъ (изъ нихъ только 5: владимірская, луцкая, кременецкая, острожская и ковельская находились на Волини, всѣ остальные были въ собственной Литвѣ или Бѣлорусіи). Общины эти возникали такимъ образомъ, что, поселившись въ извѣстномъ городѣ, евреи испрашивали право на устройство синагоги и кладбища и получивъ таковое, при этихъ двухъ учрежденіяхъ устранивали автономныя общины; такимъ образомъ общины эти или «зборы жидовскіе», какъ ихъ тогда называли, исходи изъ западныхъ городовъ великаго княжества, постепенно появлялись въ городахъ, лежавшихъ все дальше и дальше къ востоку, и отдѣляли отъ себя новыя филіи, въ началѣ составлявшія какъ-бы составныя части первоначальныхъ общинъ, но потомъ, по мѣрѣ умноженія еврейскаго населенія, преобразовывавшіяся въ «зборы» автономныя. Еврейскія общины получаютъ въ XVI столѣтіи правильную внутреннюю организацію: онѣ состоятъ подъ управленіемъ выборныхъ «старшихъ», которые завѣдываютъ всѣми общинными дѣлами, представляютъ общину передъ правительствомъ, занимаются раскладкою

и сборомъ податей и т. п. Сверхъ того въ каждой общинѣ существуетъ равнинъ, на обязанности котораго лежитъ попеченіе о религіозныхъ интересахъ общины, а также судъ по дѣламъ духовнымъ и по гражданскимъ искамъ, возникшимъ между членами общины, если послѣдніе не предпочитали обращаться къ христіанскому суду, что случалось впрочемъ весьма часто. Община еврейская, какъ автономная полноправная единица, крѣпнеть въ это время и прочно спланивается, она дорожитъ своею самостоятельностью, находитъ въ своемъ устройствѣ полную гарантію своихъ интересовъ и потому защищаетъ ревниво свою независимость. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ эпизодъ, рассказанный г. Бершадскимъ о попыткѣ Сигизмунда I, желавшаго объединить въ рукахъ одного лица управленіе всѣми еврейскими общинами: король этотъ выдалъ привилегію своему любимцу, богатому откупицу еврею, Михелю Іозефовичу изъ Бреста на генеральное старѣйшинство надъ всѣми еврейскими общинами въ великомъ княжествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвелъ его въ дворянское званіе. Но, не смотря на всевозможныя усилія короля, общины еврейскія не признали старѣйшинства Михеля и не обращались къ его суду, такъ что «генеральное старѣйшинство», не имѣя предмета дѣятельности, осталось чисто номинальнымъ и, послѣ смерти Михеля, не возобновлялось болѣе.

Пользуясь гражданскою равноправностью въ великомъ княжествѣ, евреи не выдѣляются изъ его народонаселенія въ исключительную группу, а напротивъ того постепенно сливаются съ населеніемъ туземнымъ въ бытовомъ и этнографическомъ отношеніяхъ; они говорятъ между собою и пишутъ на русскомъ языкѣ и, послѣ люблинской униі, неоднократно обращаются къ правительству съ просьбою употребить по отношенію къ нимъ «для лучшаго выrozumѣнія» русскій языкъ, вмѣсто польскаго и латинскаго; они носятъ мѣстныя русскія фамиліи названія (напримѣръ Шпакъ, Козакъ, Бородавка и т. д.), ведутъ совместно съ христіанами торговыя операціи, находятся съ ними въ частномъ домашнемъ общеніи; наравнѣ съ христіанами занимаются земледѣіемъ не только въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и въ роли мелкихъ пахарей-собственниковъ и т. п. Пользуясь отсутствіемъ сословной исключительности въ великомъ княжествѣ, евреи, смотря по своимъ средствамъ, занимаютъ мѣсто въ рядахъ всѣхъ классовъ народонаселенія: болѣе вліятельные и богатые поступаютъ на государственную службу, занимаютъ разныя, иногда значительныя, должности, приобрѣтаютъ помѣстья и въ такомъ случаѣ признаются членами категоріи «пановъ»; подобно дворянамъ они носятъ сабли, употребляютъ гербовыя печати.

Бѣдные евреи занимаются торговлею, ремеслами, хлѣбопашествомъ и въ быту своемъ сливаются съ туземными мѣщанами и крестьянами.

Таково было положеніе евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ до любинской уніи; послѣ этого событія оно рѣзко измѣнилось: исключительный сословный характеръ польскаго общественнаго строя и фанатическій религіозный прозелитизмъ разрушили бытовыя черты литовской Руси и внесли въ ея историческую судьбу много печальныхъ явленій—они повліяли и на судьбу литовскихъ евреевъ; лишенные права владѣть поземельною собственностью, какъ лица не дворянскаго происхожденія, евреи должны были столиться въ городахъ и заняться исключительно торговлею и другими городскими промыслами; подъ вліяніемъ господствовавшей сословной исключительности, они должны были составить обособленную, изолированную отъ остальнаго населенія, группу, сплотились въ своихъ общинахъ и вступили въ ту экономическую борьбу съ остальнымъ населеніемъ, которая и в вызвала страшный погромъ, постигшій евреевъ въ южной Руси въ 1648 г.

Г. Бершадскій первую главу своего сочиненія посвящаетъ бѣглому очерку внутренняго быта еврейскихъ общинъ и регулировавшаго этотъ бытъ законодательства съ конца XVII до половины XIX столѣтія. Возвратившіеся послѣ погрома евреи возстановили свое прѣжнее общинное устройство, но, оставаясь по прежнему изолированными, общины эти сами стали разлагаться; весь XVII вѣкъ прошелъ въ борьбѣ «старшихъ» кагалныхъ съ массою еврейскаго населенія, которую они всячески эксплуатировали и притѣсняли, находя постоянно поддержку въ административныхъ властяхъ. Эта внутренняя борьба и составляетъ самую характеристическую черту быта евреевъ въ западной Руси до послѣдняго почти времени.

Мы постарались вкратцѣ передать только самыя существенныя положенія книги г. Бершадскаго; лица, интересующіяся болѣе спеціальною разработкою нагѣченныхъ вопросовъ, найдутъ въ сочиненіи г. Бершадскаго тщательно разработанныя подробности, обставленныя вполне серьезнымъ и весьма обильнымъ научнымъ матеріаломъ.

В. А.

Иванъ Федоровъ, русскій первопечатникъ. Историко-библиографическое разсужденіе. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883 г.

Въ маленькой и бѣдной матеріальными средствами Галиціи чаще, чѣмъ у насъ, являются то большія, то меньшія изданія, посвященныя

преимущественно древней русской исторіи. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы старались по возможности знакомить съ ними нашихъ читателей. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ не только мѣстный, но и общерусскій интересъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и названная сей часъ брошюра, посвященная памяти челоуѣка, имя котораго одинаково читается въ Галиціи, какъ и во всей Россіи.

5-го декабря нынѣшняго года исполнится триста лѣтъ со дня кончины Ивана Федорова, который первый началъ печатное дѣло— сперва въ Москвѣ, потомъ въ Бѣлоруссіи и наконецъ во Львовѣ. У насъ, гдѣ такъ часто празднуются всякаго рода юбилеи, мало слышно объ этомъ всероссійскомъ юбилеѣ и никто къ нему не готовится. Маленькая Галиція давно объ этомъ подумала, дѣлала и дѣлаетъ, что можетъ, чтобы отмѣтить въ своей жизни это не маловажное событіе, успѣла даже вызвать оппозицію своимъ скромнымъ начинаніямъ со стороны вѣчно враждующей съ нею польской партіи.

Къ числу такихъ начинаній надо отнести и брошюру, названіе которой мы привели. Ее написалъ старшій между галицко-русскими учеными, извѣстный о. А. Петрушевичъ, протоіерей львовской митрополічьеи капитулы. На лицевой сторонѣ обложки стоятъ слѣдующія двѣ строчки: «Изданіе львовскихъ русскихъ типографовъ въ вѣчную память львовскаго первопечатника Ивана Федорова»; а на задней— въ простой черной рамкѣ вверху осьмиконечный крестъ, внизу колѣнопреклоненный молящійся ангель, и между ними молитвенныя строки: «Діакону Ивану Федорову, львовскому первопечатнику, скончавшемуся 5 декабря 1583 г. во Львовѣ, сотвори Господи вѣчную память!» Самъ авторъ брошюры на особомъ листѣ обозначаетъ, что посвящаетъ ее... «основателю типографій въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острозѣ въ память триста-лѣтней годовщины смерти его». Есть нѣчто трогательное и много говорящее въ этихъ строкахъ, простыхъ и краткихъ, и мы поймемъ это, если возьмемъ въ расчетъ нынѣшнее положеніе русскихъ въ Галиціи. Эти же строки поясняютъ намъ и содержаніе брошюры и ея ближайшее назначеніе.

Она такъ велика по своему объему, какъ только могъ позволить скромный ея сюжетъ и слишкомъ скудныя бібліографическія данныя объ Иванѣ Федоровѣ. Только многосторонней начитанности автора и знакомству его со всѣми русскими источниками должно приписать то, что, что даже при извѣстной его крайней экономіи въ словахъ, брошюра въ 38 стр. in 8°. Въ ней достойный всякаго почтенія старецъ-книжникъ говоритъ вообще о судьбѣ славянскаго книгопечатанія въ Европѣ, говоритъ въ частности о началѣ его на Руси и въ Львовѣ,

въ особенности группируетъ разбросанныя свѣдѣнія объ Иванѣ Ѳеодоровѣ и его типографской дѣятельности и слѣдитъ дальнѣйшую судьбу начатаго имъ въ Львовѣ книгопечатнаго дѣла. Всѣ передаваемыя имъ свѣдѣнія изложены кратко, сжато, даже сухо, но не опущено ни одно изъ нихъ и не оставлено безъ подкрѣпленія соответственными ссылками на источники. Существенную часть брошюры составляютъ цѣльныя выдержки изъ послѣсловій къ львовскому Апостолу 1574 г. и предисловія къ заблудовскому учительному Евангелію, — книгамъ, составляющимъ величайшую рѣдкость и вмѣстѣ единственный источникъ свѣдѣній объ ихъ печатникѣ какъ онъ самъ ихъ передаетъ.

Судьба Ивана Ѳеодорова и его «художества» вкратцѣ таковы: уроженецъ калужской губерніи, лихвинскаго уѣзда, села Николы Гастуни, отъ имени церкви и рѣчки, онъ попалъ въ дьяконы въ одну изъ кремлевскихъ церквей въ половинѣ XVI ст., въ ту именно пору, когда предъ Стоглавомъ и послѣ Стоглава царь Иванъ Грозный и митроп. Макарій хлопотали объ устроеніи въ Москвѣ печатнаго дѣла, «яко-же въ Грецѣхъ... и въ прочихъ языцѣхъ». Послѣ того, какъ ливонскіе рыцари не пропустили въ Москву типографщиковъ, посланныхъ германскимъ императоромъ по просьбѣ царя, послѣдній обратился съ такою-же просьбою къ королю датскому, который и прислалъ въ 1551 г. типографщика *Ганса Мисселейма*. Но въ тотъ вѣкъ ничто не дѣлалось спроста; религіозная пропаганда составляла недугъ времени, которымъ страдали не только отдѣльныя личности, но и общества и ихъ правительства, и какъ ни странно для насъ, но даже такую услугу, какъ присылку мастеровъ печатнаго дѣла обусловливали — германскій императоръ принятіемъ латинства, а король датскій — протестанства. Мудрая Москва изъ миссіи «человѣка люторскія вѣры» извлекла все, что ей нужно было, кромѣ непригоднаго протестанства, и пока онъ устроялъ типографію на издѣніе казны, разставлялъ станки и разбиралъ шрифты, да дѣлалъ пробы, приданные ему въ ученики Иванъ Ѳеодоровъ, да Петръ Тимофенчъ Мстиславецъ произошли всю его премудрость, а затѣмъ гости по чести за море проводили. Дальнѣйшее устройство типографіи и изданіе первыхъ печатныхъ книгъ (*Апостоль* 1564 и *Часовникъ* 1567 г.) принадлежатъ московскимъ ученикамъ *Ганса*. Но самая новость и непонятность художества, а равно и то обстоятельство, что Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславецъ были близки къ «Лютру» и учились у него, дали вѣру пущеннымъ, конечно, списывателями книгъ, толкамъ, что дѣло ихъ еретическое, а можетъ быть и совсѣмъ истинное... Москва всегда побавлавшаяся чорта, а паче «люторскія ереси», накинулась на нихъ, а расправа у ней бывала короче Липцева суда: Ѳеодоровъ и Мстиславецъ бѣжали въ,

Вѣлоруссію. Тутъ любовно принялъ ихъ русскій православный вельможа, великій гетманъ литовскій, воевода вѣленскій, староста городенскій и могилевскій, Григорій Александровичъ Ходкевичъ. Онъ водворилъ ихъ въ своемъ родовомъ имѣніи Заблудовѣ, далъ средства на устройство здѣсь типографіи и, когда она была готова, предложилъ къ напечатанію на его-же счетъ сперва Евангелія учительнаго ¹⁾, а потомъ Псалтири. Первая книга была издана въ 1569 г., вторая въ слѣдующемъ, 1570 г. Намѣренія Ходкевича были широкія, — изданіемъ строго православныхъ книгъ противодѣйствовать наплыву новыхъ ученій съ Запада, — и средства у него были огромныя; но его одолѣла старость и усилившіяся болѣзни, и онъ прекратилъ начатое дѣло, а для обезпеченія Ивана Ѳедорова (Мстиславецъ годомъ раньше перешелъ въ Вильну, въ типографію братьевъ Мамоничей) далъ ему *«весь не малу»*. Ѳедоровъ, увлекаемый своимъ художествомъ, не пожелалъ пользоваться этимъ даромъ и еще при жизни Ходкевича отправился во Львовъ и здѣсь, послѣ долгихъ хлопотъ и лишеній, на скудныя жертвы нѣсколькихъ убогихъ священниковъ и мѣщанъ львовскихъ, учредилъ типографію, работы которой были начаты изданіемъ Апостола 1574 г., и вѣроятно продолжены печатаніемъ другихъ книгъ, хотя свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ. Въ 1580 году мы видимъ уже Ивана Ѳедорова въ Острогѣ, «у славнаго княжати Острожскаго», гдѣ кипѣла ученая и издательская работа. Въ этомъ-же году онъ выдалъ здѣсь Псалтирь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ всю Библію, первую славянскую печатную книгу этого имени. Что заставило Ѳедорова покинуть гостепріимный для всѣхъ Острогъ, неизвѣстно; но и Львовъ, въ который онъ возвратился, не далъ, видно, ему работы. Ѳедоровъ разболѣлся, впалъ въ нищету, отдалъ свой инструментъ «въ заставу» жиду Срулю Якубовичу за 400 злотыхъ, умеръ въ крайней бѣдности 5 декабря 1583 г. и погребенъ въ львовскомъ онуфріевскомъ монастырѣ.

Тогдашнія обстоятельства южно-русской церкви, тѣснимой повсюду, дѣлали драгоценнымъ наслѣдіе Ивана Ѳедорова, лежавшее и по смерти его въ заставѣ у жидовъ. Эти задумали съ нимъ большой гандель — перепродажи въ Москву, но тогдашній епископъ львовскій Гедeonъ Балабанъ собралъ свои лепты, обослалъ съ особою грамотою по городу и епархіи чернца Мину, выкупилъ у жидовъ станокъ за 1500 злотыхъ и утвердилъ на вѣчныя времена типографію при львовской успенской

¹⁾ Это былъ сборникъ бесѣдъ на воскресные и праздничные дни года, служившихъ объясненіемъ евангелія, — славянскій переводъ труда Каллиста, архіепископа константинопольскаго.

ставропигіальной церкви. Возобновленное здѣсь православное братство, начало котораго относятъ къ половинѣ XV ст., учредивъ школу и богадѣльню и получивъ титулъ ставропигія, а потомъ утвержденіе отъ самаго короля, 1592 г., широко раздвинуло дѣятельность типографіи своего перваго печатника и, по вычисленію своего историка, Зубрицкаго, въ теченіе своего существованія выпустило до 300,000 богослужебныхъ и иныхъ книгъ; но и съ уничтоженіемъ его, сѣмена, брошенные Ѳеодоровымъ, не перестаютъ произрастать и сторичный плодъ приносить. Его типографія, можно сказать, существуетъ и доселѣ при той-же успешной церкви и какъ-бы рукою самаго Ѳеодорова продолжаетъ разбрасывать не *житныя*, а *духовныя* сѣмена, да живетъ и питается ими наша закордонная Русь, горше перваго тѣснямая теперь тѣми-же поляками и не умирающими оо. іезуитами. Въ этой-же типографіи напечатана и настоящая брошюра въ вѣчную память его.

Иванъ Ѳеодоровъ былъ въ самомъ высокому смыслѣ идеалистъ и фанатикъ своего «художества». Какъ пѣвецъ съ своей лирой, носился онъ съ своимъ излюбленнымъ станкомъ, проходи Русь отъ края до края, преслѣдуемый завистью и ненавистью, терпя нужду и болѣзнь, а судьбѣ угодно было, чтобы и прахъ его остался вѣдъ предѣловъ единой теперь Россіи.

Миръ праху перваго всероссійскаго *друкаря!* Хвала и честь закордонной нашей братіи, что, будучи сама въ утѣсненіи, она не забыла многотруднаго московскаго художника! Честь и благодареніе достойному о. А. С. Петрушевичу, что многоученымъ своимъ словомъ воскресилъ предъ нами образъ странствующаго перваго русскаго книгопечатника!

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книжкѣ Чалаго и по „Кобзарю“)
С. Н. Кулибки. Кіевъ, 1884 г.

Къ біографическому матеріалу о Шевченкѣ эта брошюра не прибавитъ новаго слова. Составленная на основаніи извѣстныхъ трудовъ: Маслова, Чалаго, біографическихъ замѣтокъ изъ «Основы», нѣкоторыхъ писемъ и всего болѣе по «Кобзарю», книжка г. Кулибки не болѣе, какъ попытка характеристики поэзіи и личности Шевченка, и въ этихъ рамкахъ она не лишена значенія. Написанная симпатично, съ любовью къ предмету, она пріятно дѣйствуетъ искренностью тона и можетъ съ пользою быть прочтена юношествомъ. Такія книги далеко не лишни, и въ этомъ смыслѣ мы съ удовольствіемъ встрѣтили-бы также переводъ труда барона Battaglia (Taras Szewczenko. Życie i pisma jego. Lwow, 1865)

или статьи Эм. Францоа (*Kleinrussen und ihre Dichter*), отмѣченной талантливостью автора. И то и другое, и все что у насъ раньше посвящено было личности поэта, далеко отъ типа творческой, художественной характеристики. Для такой задачи нужны силы Карлейля или Тэна Но... *Non licet parva componere magnis*... Да и есть-ли у насъ теперь достаточно данныхъ для такого труда? Достаточно-ли разработана біографія Шевченка, появились-ли всѣ его сочиненія, запечатлѣлось-ли его значеніе въ общественномъ сознаніи? Не забудемъ, что до изданія нынѣшняго года «Кобзарь» не печатался въ Россіи шестнадцать лѣтъ, что въ послѣднемъ, наиболѣе полномъ изданіи, не помѣщены четыре поэмы и тридцать три пьесы меньшаго объема, а съ исключеніями напечатано — двадцать пять, между которыми есть самыя значительныя и популярныя. Вспомнимъ, что не изданъ совсѣмъ еще цѣлый циклъ произведеній поэта — повѣсти, для характеристики и біографіи заключающія въ себѣ цѣнныя данныя, что изъ переписки его напечатана, конечно, только часть, и что многіе изъ лицъ, его знавшихъ, могли-бы еще дать свѣдѣнія о немъ. А между тѣмъ всестороннее, полное освѣщеніе этой личности необходимо. Исторія не забудетъ никогда, что въ самую глухую пору народной жизни юга, въ эпоху рабства, изъ безмолвной толпы простолудиновъ вышелъ необыкновенный человѣкъ, окрыленный великой силой поэзии и могучимъ словомъ, простымъ и глубокимъ, вызвалъ изъ могилъ прошедшее и призвалъ настоящее на Божій судъ. Среди невзгодъ и испытаній пронесъ онъ свой крестъ и, вмѣстѣ съ Гоголемъ, разомъ явился вѣщимъ выразителемъ живыхъ, великихъ духовныхъ силъ того племени, которое въ то время казалось почившимъ духовно... Образы такихъ людей — достояніе потомства, и всякая черта ихъ жизни для него значительна. Намъ нужно ихъ ближе и глубже знать и не прикладывать къ частностямъ жизни этихъ избранниковъ свою моральную мѣрку, что дѣлали уже многіе относительно Гоголя и нѣкоторые относительно Шевченка, и противъ чего справедливо вооружается составитель разсматриваемой характеристики.

Въ концѣ этой книжки, обильно пересыпанной цитатами изъ «Кобзаря», какъ живыми цвѣтами, помѣщены свѣдѣнія по возникшему годъ назадъ дѣлу о поправкѣ могилы поэта. Сумма, ассигнованная на этотъ предметъ молдавскимъ земствомъ, пошла на укрѣпленіе могильнаго холма. Крестъ сооруженъ частнымъ лицомъ. Что касается другого ходатайства земства — объ открытіи подписки на памятникъ Шевченку въ предѣлахъ полтавской губерніи, то, по сообщенію мѣстной газеты «Земскій Обзоръ», на ходатайство это по настоящее время не послѣдовало отвѣта.

В. Г — но.

Сборникъ свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ I. Зѣньковский уѣздъ. Части 1 и 2. Полтава 1882—1883 года.

Статистическія цифры и выводы для лицъ извѣстнаго сорта имѣютъ то существенное неудобство, что они неопровержимы. Безъ этихъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, по дворамъ, по хозлевамъ, при контролѣ земскихъ учреждений, при провѣркѣ свѣдѣній официальными данными и возможной провѣркѣ всякимъ на мѣстѣ, безъ этихъ ненавистныхъ таблицъ, есть всегда возможность говорить о тенденціозной преднамѣренности. Но, при «статистикѣ», приходится или доказать противное, что нѣсколько трудно, или согласиться. Вотъ почему въ тѣхъ земствахъ, гдѣ по чьему либо просвѣщенному почину основаны статистическія учрежденія, существуетъ всегда категорія гласныхъ, которой эти учрежденія не даютъ спокойно спать. Ни существенная надобность точныхъ свѣдѣній о губерніи для правильного веденія земскаго хозяйства, ни сознанныя и высказанныя органами правительства необходимость знать точное положеніе дѣлъ, знать правду,—ничто не можетъ вразумить этихъ лицъ. Цифры доказываютъ воочию необходимость мѣропріятій къ облегченію положенія земледѣльческаго класса, а такія мѣропріятія для этихъ представителей сословной вражды и эгоизма—острый ножъ. Эти цифры—результатъ точнаго статистическаго обслѣдованія—значить долой статистику! Вотъ вся нехитрая логика этихъ господъ.

Статистическое бюро при полтавскомъ земствѣ существуетъ очень недавно, но уже удостоилось ихъ просвѣщеннаго вниманія: на послѣдней сессіи земства этой губерніи ассигновка на статистику вызвала скрежетъ зубовный, и если самое бюро уцѣлѣло, то необходимая для расширенія его работъ надбавка въ средствахъ была отклонена. Предъ нами два выпуска начатаго описанія губерніи. Они посвящены одному изъ центральныхъ уѣздовъ—зѣньковскому, сельское населеніе котораго состоитъ преимущественно изъ казачьяго сословія. Посмотримъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ на экономическое состояніе земледѣльцевъ этого уголка «житницы Россіи».

Земельное владѣніе сельскихъ сословій, принимая за единицу «хозяйство», выражается цифрою 5,0 десятинъ. По мнѣнію лицъ, компетентность которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія (см. напр. брошюру гласнаго г. Квитки: «Объяснительная записка къ таблицамъ крестьянскаго землеуладѣнія въ полтавской губерніи»), участокъ въ 6 десятинъ считается для полтавской губерніи наименьшимъ, при которомъ средняя крестьянская семья (при существующей системѣ полеводства) обезпечена про-

довольствіємъ для себя и кормомъ для необходимаго количества скота. Прилагая эту норму къ зѣньковскому уѣзду, видимъ, что количество земли на хозяйство почти на 1 десятину менѣе необходимаго для нормальной потребности. Но средняя цифра не выражаетъ въ этомъ случаѣ реальнаго положенія дѣлъ; число населенія безземельнаго и немѣющаго пахатной земли достигаетъ въ зѣньковскомъ уѣздѣ 29,837 душъ обоого пола; изъ нихъ совершенно безземельныхъ 2,623 души (Выпускъ 1. стр. 294—5, гр. 28 и 40). На 100 человекъ обоого пола, не имѣющихъ пахатной земли, приходится 25 или одна четверть, а немѣющихъ и усадебной 2,4%. По обезпеченію жилыми строениями, на 100 хозяевъ «бездомовыхъ» приходится 4,5%, имѣющихъ одну хату 79,7. «Бездомовые» по сельскимъ сословіямъ распредѣляются болѣе или менѣе равномерно, кромѣ «безнадѣльныхъ», изъ которыхъ больше четверти всѣхъ хозяевъ не имѣетъ хатъ. Хозяйствъ съ одними хатами, безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ, «кромѣ хлѣбовъ», 24,4 процентовъ на сто.

Количество рабочаго скота въ хозяйствахъ сельскихъ сословій уѣзда распредѣляется такимъ образомъ: на 100 хозяйствъ приходится

Безъ всякаго скота	21,8
Только съ мелкимъ скотомъ	20,4
Съ 1 лошадыю	13,0
1 штукою рогатаго скота	8,3
Съ 2—3 штуками рогатаго скота	20,0
„ 4—5 „ „ „	13,2
„ 6 и болѣе штукъ	3
	100

Такимъ образомъ около половины домохозяевъ совсѣмъ не имѣютъ рабочаго скота, а изъ нихъ почти половина ($\frac{1}{3}$ всѣхъ хозяйствъ) не имѣетъ совершенно никакого скота.

Съемка земли на сторонѣ, вслѣдствіе недостаточности надѣла, выражается по уѣзду цифрою 23,786 десятинъ, что составляетъ около 30% относительно количества владѣемой сельскими сословіями земли. Сумма съемной земли и собственной даетъ почти въ точности цифру 6 десятинъ на хозяйство, т. е. то именно количество, которое необходимо для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей средней семьи. Поэтому цифра 23,786 десятинъ можетъ служить мѣриломъ земельного недостатка въ сельскомъ населеніи зѣньковского уѣзда.

Вотъ главнѣйшіе выводы. И въ первомъ и во второмъ выпускѣ «Сборника» находится еще масса свѣдѣній, исчерпать которыхъ нѣтъ возможности въ бѣглой замѣткѣ. Второй выпускъ, кромѣ общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключаетъ въ себѣ обзоръ владѣльческихъ имѣній,

распредѣленіе въ нихъ земли по угодіямъ, данныя о распредѣленіи пахатной площади и сѣвооборота въ этихъ хозяйствахъ, скотѣ, рабочихъ рукахъ, носѣвѣ и проч., а также матеріалы для оцѣнки земель (продажная цѣна 85 до 107 руб. десятина, средняя арендная—7 руб. 86 коп. десятина) и списки всѣхъ арендъ въ уѣздѣ.

Изъ различныхъ типовъ статистическихъ описаній, практиковавшихся въ Россіи, методъ, принятый полтавскими статистиками, ближе всего подходитъ къ такъ называемому типу, состоящему въ опредѣленіи хозяйственнаго положенія каждаго селенія путемъ подворной переписи. Въ полтавской программѣ, выработанной комиссіей профессоръ и земскихъ людей, сдѣланы измѣненія примѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни. Существеннѣйшее изъ нихъ то, что единицей, къ которой относятся всѣ свѣдѣнія, принято, совершенно правильно, *хозяйство*,—понятіе, не всегда соотвѣтствующее въ Малороссіи ни понятію «семьи», ни «двора».

Въ видѣ иллюстраціи къ числовымъ цифрамъ и выводамъ, въ концѣ 2-го выпуска «Сборника», помѣщенъ очеркъ г. Греченко «С. Великая Павловка». Это старое козачье село взято какъ типъ для нагляднаго изображенія экономическаго быта господствующаго класса населенія. Кромѣ общихъ свѣдѣній, тутъ есть интересныя данныя о дробленіи подворно наслѣдственныхъ козачьихъ владѣній между членами семьи, особенно значительномъ потому, что дѣлится каждый кусочекъ сообразно иногда незначительному различію въ качествѣ почвы. Зѣньковскій уѣздъ есть страна хуторовъ, «нѣсколько хатъ съ чистенькими надворными постройками, вишневые сады, одинъ, два вѣтряка, три, четыре колодца, съ журавлями,—все это въ небольшой лощинкѣ съ чистымъ протокомъ, обсаженнымъ вербами»—таковъ типъ зѣньковского козачьяго хутора. Увы, эта доля приволья идетъ въ страшный ущербъ жителямъ сель. Владѣльцы хуторовъ все болѣе и болѣе стараются выдѣлиться изъ общаго сѣвооборота для увеличенія запашки, а потому количество точной земли и пастбища въ обществахъ страшно сокращается. Сообщаемыя г. Греченкомъ условія арендованія земель въ Великой Павловкѣ, общія по его словамъ для всего уѣзда, надо признать болѣе благопріятными, чѣмъ напр. въ сѣверныхъ уѣздахъ полтавской губерніи. Тамъ арендная плата нерѣдко доходитъ уже до 13 рублей за десятину, а отдача поля «съ половины» осложняется годъ отъ году увеличивающимися условіями «отработковъ»; наемъ земли за деньги предпочитается, если есть къ нему возможность. «Своя нивка сама собі наніатка», говоритъ любящій независимость малороссъ. Но этимъ благомъ пользуются немногіе. Безземельные и малоземельные работаютъ *за спопъ и за коробку*

у своего брата, зажиточныхъ козаковъ, умудряющихся этими коробками и снопами вести все свое хозяйство руками этихъ людей, безъ всякаго посторонняго найма рабочихъ. Особенность с. Павловки—промыселъ курительныхъ деревянныхъ трубокъ; трубка средней величины въ рѣзничной продажѣ стоитъ 20 коп., необходимый для нея матеріалъ—7 коп. Въ день можно сдѣлать двѣ или три такихъ трубки. Грамотность въ селѣ очень слаба. Кромѣ разныхъ условій, на которыя справедливо указываетъ составитель очерка, виновата здѣсь, конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, самая постановка школьнаго дѣла и его оторванность отъ жизни.

Условія жизни сельскихъ сословій въ зѣньковскомъ уѣздѣ болѣе или менѣе общи для всей полтавской губерніи. Это подтверждаютъ, конечно, дальнѣйшіе выпуски статистическаго ея описанія. Работы бюро сосредоточены теперь на уѣздахъ полтавскомъ и миргородскомъ, описаніе которыхъ должно выйти скоро. Точныя цифры по всѣмъ пятнадцати уѣздамъ дадутъ полную картину экономической жизни губерніи, если только благому дѣлу статистическаго изслѣдованія не помѣшаютъ лицемѣрныя соображенія «экономіи».

В. Г—ко.